

Глава 1. Белый комочек выходит на сцену

Когда Цзян Тан[1] очнулся, сквозь сон понемногу вернулась тянущая боль, и он, ещё не открыв глаз, инстинктивно тихо вскрикнул.

— Мм...

Он хотел сказать, что ему больно, но почему-то не смог вымолвить ни слова. Из горла вырвался лишь звук, похожий на жалобный всхлип, мягкий, тоненький, будто у зверька, которого ещё не отняли от молока.

Это его голос?

Цзян Тан медленно открыл глаза.

Сквозь мутную пелену перед глазами он увидел несколько толстых чёрных железных прутьев и смутно покачивающиеся гигантские силуэты.

Почему эти двое такие огромные?!

Разве он не должен сейчас сидеть на работе и в авральном порядке переделывать макет для клиента? Неужели ему приснилось, что он попал в страну великанов?

В следующий миг боль в спине, до того накатывавшая волнами, усилилась. Она пронизывала плоть и будто ввинчивалась прямо в кости. От муки Цзян Тан начал отчаянно вырываться. Сначала его прижимала одна рука, потом уже четыре, и от этого спина разболелась ещё сильнее.

— И-у-у-и...

Он хотел крикнуть, что ему больно, но из горла по-прежнему вырывались лишь жалобные звериные звуки.

Силуэты перед глазами стали чуть чётче. И правда огромные. По сравнению с ними он словно уменьшился. Вырваться из их хватки у него никак не получалось.

— Что это с ним вдруг? — нахмурился бородач, прижимавший его. Голос у него был недовольный. — У него уже вынули кость судьбы, а живучесть всё равно такая сильная?

Другой поддакнул:

— Разве не говорили, что это последний благой зверь в пределах Люхэ[2]? Хорошо, что жив. Если он сдохнет до прибытия лекаря из секты Хуаньюнь, хозяин семьи точно будет недоволен.

У Цзян Тана болело всё тело. Он хотел сбежать, но его держали мёртвой хваткой. Речь этих двоих звучала для него сплошной тарабарщиной, он не понимал ни слова. Единственное, в чём он был уверен, так это в том, что бородач смотрел на него как-то странно: не как на человека, а скорее как на свежую свинью или овцу на мясном прилавке.

Боль тянулась бесконечно, тонкая, частая, непрерывная, точно бесчисленные нити. Цзян Тан дрожал всем телом. Он не знал, сколько прошло времени, но наконец давящая тяжесть исчезла. Лишившись сил, он мягко рухнул на холодное дно клетки.

В руке у бородача был белый фарфоровый пузырёк, а на горлышке виднелись алые капли.

— Эссенции крови всё меньше, — пробормотал он.

Потом осторожно закупорил пузырёк и кивнул мужчине с мелкими косичками:

— Закрой дверь. Я отнесу кровь.

Тот кивнул, быстро сложил печать руками и, когда на кончиках пальцев проступило слабое золотистое свечение, начертал на клетке простой талисман. В следующий миг всю клетку окутал слой золотого света, а затем медленно впитался в грубое чёрное железо.

Только очнувшееся тело Цзян Тана снова ослабло из-за потери крови. Перед глазами то светлело, то темнело, и он снова провалился в сон.

Когда он открыл глаза в следующий раз, вдали виднелся свет, похожий на дрожащее в ночи пламя свечи.

Он попытался встать, но на двух ногах это почему-то не получалось. Приходилось опираться на пару белых пушистых лап.

Погодите, лап?!

Странная боль в теле мигом вылетела у него из головы. Совершенно растерянный, он поднял обе мягкие белые лапки и перевернул их. Ни пальцев, только розовые подушечки.

Цзян Тан: «?»

А где его руки???

Секунду назад он был обычным офисным рабом, которому грозило разве что облысение от переработок, а в следующую уже превратился в пушистый комочек, которому облысение не светило.

Зато теперь ему пришлось переживать за свою маленькую жизнь.

Клетка стояла в самом тёмном углу комнаты. Во влажном воздухе висел запах крови, скорее всего его собственной. Из чего именно сделана клетка, он не понял, но прутья были толстыми, и сломать их его нынешнему слабому тельцу точно было не по силам.

И всё же, украдкой присмотревшись ещё несколько раз, Цзян Тан заметил, что клетка как будто не заперта. После того как его туда посадили, мужчина с косичками вроде бы не запирает дверцу на замок.

Белая лапка осторожно потянулась к незапертой дверце. Почти в тот же миг по всей клетке пробежал тонкий золотистый слой, словно её окружила подвижная водяная пелена. Лапку тут же пронзило покалыванием, будто её ударило током.

Что это ещё за чертовщина?!

Обиженно втянув лапу обратно, Цзян Тан тихо всхлипнул.

— Опять хочет сбежать? — бородач покосился на зверька в углу и недобро прищурился.

Мужчина с косичками даже головы не поднял, лишь закусил чем-то и отпил вина.

— Не переживай, старший брат. Я запер клетку духовным талисманом, ему не выбраться.

Видя, что бородач снова посмотрел в его сторону, Цзян Тан понял, что за ним всё это время следят. Он медленно свернулся клубком и уткнул голову в большую лапу.

Всё пропало. Он не просто попал в другой мир, а ещё и в такой, который не подчинялся никакой нормальной логике. Та золотая дымка на клетке походила на настоящую тюрьму даже больше, чем сами прутья. Он не мог до неё даже дотронуться.

К счастью, как опытный офисный мученик, Цзян Тан обладал прекрасной способностью терпеть всё и выискивать радость даже в беде. Погоревал он недолго и вскоре начал принимать новую реальность, размышляя, как жить дальше.

До этого бородач унёс белый пузырёк с его кровью. Значит, кровь им зачем-то нужна, и пока что он не умрёт.

Но почему он не понимает человеческую речь? Потому что язык здесь другой, или звери просто не могут понимать людей?

— Ты как?

Внезапно этот голос отчётливо прозвучал у него в ушах.

Тоненький, слабый, совсем тихий, но он его понял. Слова бородача и мужчины с косичками были для него тарабарщиной, а эта фраза прозвучала совершенно ясно. Цзян Тан из последних сил окинул взглядом всё вокруг, но никого не увидел.

Кто это говорит? Он хотел спросить, но из горла вырвались только жалобные мычания.

— Я здесь.

Маленький муравей с трудом вскарабкался на край стола.

— Это ты со мной говоришь? — спросил Цзян Тан.

Разумеется, из этой звериной глотки вырвалось только какое-то невнятное поскуливание.

Муравей издали посмотрел на него.

— Мы же ещё вчера разговаривали. Ты сказал, что тебе больно и ты скоро не выдержишь, вот я и приполз сегодня проведать тебя.

Вчера... Похоже, прежний зверёк умер именно вчера, а с его приходом тело снова ожило. Цзян Тан не стал развивать эту тему и, тщательно подбирая слова, спросил о том, что происходит сейчас.

— Ты знаешь, что это за место? И есть ли шанс отсюда выбраться?

Муравей наклонил голову, шевельнув двумя тонкими длинными усиками.

— Тебя заперли духовным талисманом. Выбраться не получится.

— Духовный талисман? Какой ещё талисман? Я могу открыть его сам?

Если бы у муравьёв бывали выражения лица, сейчас на его мордочке наверняка было бы написано недоумение. Он обошёл клетку кругом, то и дело поглядывая на слабого зверька

внутри.

— Ты же не человек. Не откроешь.

Цзян Тан вспомнил, как мужчина с косичками запечатывал клетку.

Хотя он видел это лишь мельком, странные движения пальцев и жест, которым тот рисовал в воздухе талисман, отпечатались у него в памяти с пугающей чёткостью.

Сердце бешено заколотилось.

Цзян Тан прочёл бесчисленное множество фэнтези-романов о культивации, и эти жесты очень походили на описанные там печати. Если есть жест, чтобы запереть клетку, значит, должен быть и жест, чтобы её открыть. Может, стоит дождаться, пока мужчина с косичками снова откроет дверцу, запомнить движения и попробовать выпустить самого себя?

Так он и подумал, а затем спросил мнения муравья.

Но в голове муравья не помещалось столько сложных мыслей. Ему показалось, что Цзян Тан несёт чепуху, и, проведав его, он медленно уполз со стола.

Чтобы проверить догадку, Цзян Тан просидел в клетке ещё несколько дней.

Те двое, что его стерегли, по-видимому, не хотели, чтобы он умер. Каждый день они приносили ему еду два раза, утром и вечером. Цзян Тан ничего не отвергал. Если бы его хотели убить, он давно был бы мёртв. Значит, еда точно не отравлена.

К тому же муравей каждый день являлся на запах посмотреть, как он ест, и не сводил глаз с принесённых красных плодов. Не будь клетка запечатана духовным талисманом, он бы и сам, наверное, залез внутрь и откусил кусочек.

Красные плоды оказались очень сладкими. Стоило мякоти попасть в живот, как от желудка по всему телу расходились тонкие тёплые струйки. Рана на спине будто начинала затягиваться, а боль становилась слабее. Неудивительно, что муравей так на них облизывался. И правда хорошая вещь.

Наверное, прежний зверёк перед смертью выглядел слишком жалко, поэтому муравей часто забирался к нему, разговаривал и составлял ему компанию. Сперва Цзян Тан хотел расспросить его о расположении комнат, выходах, охране и прочем, но муравей прожил всю жизнь на этом крохотном участке и ничего не знал, так что приходилось наблюдать самому.

Что касается людей, которые тут появлялись, то за эти дни Цзян Тан насчитал троих.

Помимо бородача и мужчины с косичками, которые неизменно приносили ему еду утром и вечером, каждый вечер после ужина приходила хорошенькая девушка в одежде светло-жёлтого цвета проверить его состояние. Похоже, она тут была за главную.

Бородач, как оказалось, ещё и любил отлынивать. Приходил только дважды в день, утром и вечером, и специально выбирал время, когда здесь была эта начальница.

Так что большую часть времени возле клетки дежурил мужчина с косичками.

Сначала он был довольно бдителен, но потом Цзян Тан всё время лежал, свернувшись клубком, и выглядел так, словно вот-вот сохнет, из-за чего тот утратил настороженность. Он начал время от времени уходить прогуляться. Ненадолго, примерно на время одной курительной палочки, но по четыре-пять раз в день.

Наконец, на седьмой день бородач снова явился с белым фарфоровым пузырьком.

Цзян Тан знал, что этой муки ему не избежать. Не отрывая глаз, он следил за движениями мужчины с косичками и, убедившись, что запомнил каждый шаг, стиснул зубы и пережил очередную пытку.

Весь дух, который он с таким трудом нагулял за эти дни хорошей едой, мгновенно исчез. После этого он ослабел так, что двух кормёжек в день ему уже не хватало. Пришлось отбросить гордость и жалобно скулить в клетке. Мужчину с косичками это так достало, что в полдень он стал приносить ему ещё одну порцию.

Цзян Тан не пропускал ни кусочка. Наевшись, он три дня отлёживался в клетке, прежде чем силы к нему вернулись.

И вот однажды, в полдень, когда гремел гром, он воспользовался моментом, пока мужчина с косичками снова отлучился, и начал побег.

[1] Цзян Тан (姜糖) — букв. «имбирный сахар», «имбирная карамель».

[2] Люхэ (六合) — букв. «шесть сторон света», то есть весь мир, все земли под небом.